

Анатолий Маляров

Лига пострадавших

1

«13 июля от причала Копии отправляется пассажирский лайнер «Черный Бэн».

Любители туризма за умеренную плату (1000 долларов) могут получить удобную каюту, стол и развлечения.

Путешественникам гарантируется маршрут, далекий от морских путей, с заходом на необитаемый остров и катастрофа на самом неожиданном участке пути. Лайнер лишен каких бы то ни было спасательных средств, отсутствует радиосвязь.

Телефон для заказа: 666–000.

Зарегистрироваться можно под любой фамилией.

«Черный Бэн» отбывает в 13.00 по среднеамериканскому времени».

Объявление помещалось в конце последней полосы вечерней газеты, Трефф Сигли пробежал его с полным безразличием. Рекламный вопль подгоревшего круиз-бюро. Никто не позволит

гарантировать катастрофу и гибель двух-трех сотен людей. Никто не станет платить 1000 долларов за самоубийство. Последним своим трюком круиз-бюро окончательно себя доконало. Трефф Сигли сунул первую и последнюю полосу в верхний карман, нехотя побрел вдоль парапета. Не слишком высокая, ссутулившаяся фигура в сером пиджаке и синих брюках выглядела потерянной на пустом берегу. Глянуть сверху — трафаретный киношный кадр: обанкротившийся джентльмен читает рекомендации для самоубийц. Хмурит светлые, торчащие брови, устремляет серые, не слишком выразительные глаза к горизонту. На стыке моря и неба никаких советов не начертано. Придется думать самому. Рука нащупывает в кармане конверт с выходным пособием. Ровно 1000 долларов. Какое совпадение: средство, чтобы покончить...

Трефф настроился забыть про объявление. Помешал бывший юрист, спившийся таможенник Микки:

— Почему не позволят катастрофу? У нас свобода. Кроме того, фирма никого не принуждает садиться на «Бэна». Она только подтверждает, что у нас неограниченные возможности, в том числе и рисковать... Катастрофа может грянуть у берега, и вы доплывете без спасательных средств. Можете остаться на необитаемом острове или прихватить

свою шляпку — еще пару тысяч за багаж. Возможно, расчет именно на последнее.

Микки процитировал две статьи, гарантирующие свободу действий граждан, и доказал: объявление не противоречит конституции.

— И желающие найдутся. Один не поверит в катастрофу, другой прельстится доступной ценой, третий и вправду сведет счеты с жизнью таким романтическим образом.

Как спорить, так и соглашаться с юристом было сложно. Оставалось принять к сведению его квалифицированное мнение. Сигли разорвал газету пополам, искал урну, не нашел, и сунул в карман.

Седой негр встряхивал холодную жаровню и орал: «Кому креветки? Королевские, на выбор!» Черной ладонью сгребал мясистые тельца и высыпал в пакеты, коробки, шляпы. Трефф вынул газету. Подумал, из первой полосы соорудил кулек, последнюю — спрятал в боковой карман. И мысль мелькнула: «Хорошо, что есть мелочь, не придется разменивать тысячу...» Коварная мысль. Он даже не уверен, что подумал так. Скорее всего, какой-то другой человек в нем подумал, человек с другим именем, скажем, Сигли Трефф, а Тие Трефф Сигли. И пока Трефф Сигли жевал креветки, привалившись к парапету, этот другой подглядывал, что читают гуляющие, не последнюю ли полосу? Чопорный джентльмен изучал

структуру тела блондинки на развороте, молодая пара отгораживалась газетой от сопливого старика, накапливавшего желание ворваться в их беседу. Несколько листов газеты были подостланы под разномерные ягодицы девушек. Что за чертовщина. Никто не интересуется шокирующим объявлением. Не заметили, что ли? Что если натолкнуть? Трефф Сигли зажил этой мыслью. Избрал опустившегося подстарка, покушавшегося сохранить приличный вид. Если бы на нем была рвань, он не привлек бы внимания. Но светлый костюм и галстук в горошек сидел на нем впору, в руке трепетал свежевывстиранный берет. Человек знал лучшие времена и пытался помнить о них.

— Я Нельсон. Можно — адмирал... — представился подстарок, и прозвучало это столь убедительно, что Сигли подумал: актер он или сумасшедший? Не пьян ли?

— Рад познакомиться, — тем не менее, шаркнул он.

— Нужна моя помощь?

— О, вы проницательны!

— Читаю физиономии. Вас выперли с работы. Не найдя ничего лучшего, вы вышли на набережную Всех ветров и задумались о смысле бытия. Вы не первый. Да, чтобы не упустить: через десять секунд на горизонте появится белый теплоход. И не по расписанию. По расписанию —

через час.

На строчке неба и моря тут же возникло зыбкое изображение судна.

— Сейчас видение исчезнет, — ликовал Нельсон.

Изображение исчезло. Треффу захотелось ответить выпадом на выпад.

— Вот странное объявление. Что ясновидящий думает о нем?

Старик почитал, пососал нижнюю губу с родинкой:

— Вам приходилось видеть, как топят в море излишки зерна?

— Наслышан...

— И вот накопились излишки людей.

— Тут дело добровольное. И деньги берут.

— С виду вам за 30, а житейский опыт у вас — подростковый. Кто же согласится на лобовое предложение? Нужен психологический ход, надо разбудить в вас давно уснувшие инстинкты. Да показать, что дано это не каждому, нужен определенный ценз — тысяча баксов!

— Не уверен, что вы правы...

— Как вам угодно. Кстати, вы будете одним из пассажиров «Черного Бэна».

От неожиданности Трефф Сигли хохотнул. Адмирал Нельсон набычился:

— Желаю вам, скиталец, смеяться беззаботно

и всю дорогу. — И, шаркая, удалился в сторону порта.

Другой человек, Сигли Трефф, не смеялся. Он попробовал остаться на набережной, увидеть проходящий по расписанию лайнер, чтобы убедиться в правоте адмирала и получить дополнительную дозу страха. Клин клином... Потом, дурача сам себя, спустился к молу, издали оглядел «Черного Бэна». Посудина имела вид битой канистры и обещала продержаться на плаву в штиль не более месяца, а накаты волн ей были вообще противопоказаны.

«Ладно, адмирал, — подумал Сигли, — пусть это будет первой вашей телепатической ошибкой: не стану я тратить свою тысячу». Однако ноги понесли его поближе к дряхлому «Бэну». На фоне очаровательной мертвой зыби, когда мелкая дрожь корпуса незаметна для глаза, цвет воды напоминает цвет неба над головой, а блики выпрыгивают из глубины, в рельефном контровом свете Трефф Сигли увидел, как с пустующего борта скатывались серые шерстяные комочки и, цепляясь за концы, струнами натянутые между судном и причалом, замирали. Крысы по одной, группами, толпами сбегались к манильским канатам, пробовали их коготками и, уцепившись, брели от борта к парапету. Тросы вздрагивали, ослаблялись и резко натягивались. Животные подпрыгивали, как на

тетиве. Одна упала в воду. Без колебаний она поплыла в сторону берега. Взобраться на мокрый каменный причал она не могла, но скребла, скребла лапками до изнеможения. К ней присоединилась вторая, третья. Падали и все плыли к берегу, лезли друг на дружку, силились одолеть камни, и ни одна не делала попытку вернуться на судно. Удачливые прыгивали с канатов у кнехта и юрко исчезали в отводах канализации, в щелях строений. Крысы покидали «Черного Бэна», не оставляя сомнений в скорой и печальной судьбе посуды. Ужас овладел бы Треффом, если бы у него в руках не было права решать, встречаться ли с этим катафалком еще раз или отвернуться и забыть напрочь. Другой человек в нем умненько нашептывал: «Н-да, ты видел все это, тебе понятно, можешь обойти этот гроб. Но другие не видели. Сядут. Почему они, а не ты?...» Скорей, скорей домой! Долой всякие искушения!..

* * *

Вид не баловал глаз. Аляповатая окраска стен, до ложбинок отшлифованные ступеньки, выбоины у перил. Подъезд казался чужим. Зато впереди грациозно ступают розовые пятки девушки. Ей двадцать два года, смотрится она на восемнадцать, ведет себя с мудростью тридцатилетней. У нее

высокие, круглые плечи, длинные руки, тонкая талия. Прямые волосы разделены пополам и ниспадают до локтей. Ноги!.. Это Лили — на всякий случай. Если бы она обернулась, Трефф Сигли узнал бы продолговатое нежное личико с чуть подкрашенными губами, впалые щеки, едва заметное выражение глаз — себе на уме. Два года назад он встретил девушку здесь же и заговорил:

— Вы новая соседка?

— Если вы обитаете тут, то да, — голос с ленцой, подарочный.

— Трудно сказать, где я обитаю, но за комнату на шестом этаже плачу исправно.

— А я плачу за квартирку на восьмом.

— Откуда деньги берете на столь чувствительные траты?

— В магазине Клара-Бэлла-Мод.

— Манекенщица?

— Похожа?

— Так сказал, что пришло в голову.

— В вашу голову часто приходят удачные мысли?

— Рад познакомиться. Трефф Сигли.

— Лили Берг.

Три дня спустя он заметил, что по утрам они могут спускаться в одном лифте. Это осуществить было просто. Сложнее пришлось, когда он решил по вечерам подниматься одновременно с Лили.

Выяснилось, она возвращалась домой в разное время. То при свете дня, то за полночь. То подтянув животик, то разомлев от яств. В последнем случае от нее пахивало вином. В подъезд она входила без кавалеров, но где гарантии, что они не оставались в автомобиле, за углом? Выслеживал, но она всякий раз появлялась из-за противоположного дома. Намеревался оставить ее в покое. И вдруг уловил некоторый интерес к себе с ее стороны:

— Сегодня вы не выспались, — заметил как-то ее тягучий голосок. — У вас очаровательная сумка!

Интерес ее стал постоянным. Он пригласил девушку на уикенд. Неделю спустя — еще раз. Обошлось без потрясений, и вспоминал Сигли о Лили только под выходные да, пожалуй, в минуты уныния, когда жизнь напоминала о себе... Отношения устоялись. Она стала Лили — на всякий случай.

— Ты читала этот юмор?

Она приостановилась, поворачивалась долго, можно было подумать, что человек, обратившийся к ней, давно ей наскучил. Пробежала объявление.

— Забавно?

— Во всяком случае, ново.

— Мне предсказали, что я отправлюсь в круиз на «Черном Бэне».

— Кто тебе мог приказать?

— Разве я сказал «приказали»? Мне пред-ска-зали.

— Забавно.

Она еще раз пробежала приглашение, подчеркнуто погасила интерес к нему и вернула газету. Сегодня была не суббота, и Лили больше ничего не ждала от Треффа. Той же вальяжной походкой она направилась к лифту. В его голове запечатлелись открытые розовые пятки па тонкой подошве босоножек. Вдруг это последнее!..

2

От обычной посадки на судно суэта вокруг «Черного Бэна» мало чем отличалась. Может быть, лица отплывающих виделись загадочными и скорбно-величавыми. Сознание превосходства над простыми смертными, не способными на вызов. И не пришли провожатые. Трефф Сигли много дал бы, чтобы узнать, что скрывается за каждой из этих вы-мороченных, похожих друг на друга улыбок. Отчаяние у каждого свое, а трап, ведущий на судно, один. Мастерили улыбки и настороженный мужчина, и женщина с покушением на молодость, и олдермен в очках, и анемичная старушка. Последним двум-то что нужно? Боятся умереть в постели?

К капитану поднялся лоцман, пожал руку и

многообещающе уставился на пассажиров. За спиной у него возвышался гофрированный контейнер убедительных размеров. Еще одна загадка. Что там упрятано? Запасы продуктов — на долго ли? Спасательные шляпки — уплачено ли за них? А может быть, груз, которому уготована участь пассажиров? И ни одного знакомого лица. Стоило ли рисковать головой, если нет твоего зрителя, способного оценить поступок. Человек изнутри, Сигли Трефф, избрал для наблюдения джентльмена с нафабранными усиками и платком в руке. Кто он? Почему здесь? Как поведет себя? Вряд ли он верит в дурной исход вояжа. Коммивояжер, решивший провести отпуск в легких треволнениях.

Лоцманский катер пошел впереди. Теплоход долго отталкивался от причала, потом немощно шел вдоль пирса к океану. Вся палуба сгрудилась и притихла, как перед грозой. Казалось, берег удаляется пугающе быстро. Глаза не отрывались от теряющего очертания города. Кто-то шаркнул ногой, кто-то украдкой высморкался.

Когда судно притормозило и капитан попрощался с лоцманом, на палубе раздался крик:

— Не хочу! Не надо! Ну ее к черту, эту тысячу долларов!!

Стенал господин с нафабранными усиками.

— Лоцман! Возьмите меня на берег! Я вам

заплачу! Хорошо заплачу!!

Он забыл о своем джентльменском виде, расталкивал женщин, рвался к трапу. Окружающие неодобрительно расступались, тут же сходились. Лоцман стоял на нижней ступеньке аварийного трапа и не решался, как быть.

— Стойте! — раскатисто рыкнул сверху капитан, толстяк с седыми висками и брезгливым лицом.

Джентльмена сковал двойной страх: не утратить бы последний шанс спастись, не потерять бы лицо... Пассажиры поняли: сейчас произойдет насилие. Труса скрутят и унесут в каюту, пока уйдет катер... Чувства труса были куда понятней, чем намерения капитана.

— Простите, мистер, — с уважением пророкотал капитан. — Стоит ли нервничать? Воспользуйтесь правом защитить свою жизнь. Я думаю, в катере найдется местечко для вас. Что касается денег... получите вашу тысячу.

Толстяк протянул несколько купюр, сунул их за борт пиджака труса.

— Лоцман, будьте добры, доставьте джентльмена на берег.

Беглец ватными ногами поспешил к трапу. Капитан оглядел толпу:

— Господа, кто еще хочет вернуться? В катере есть места.

Пауза по всему левому борту долго не истощалась.

— Напрасно. Это ведь последняя возможность. — И после вздоха:

— Вперед.

За спиной раздался дробный смех и хрипение. Трефф Сигли похолодел. Он боялся истерики, а две не снес бы. Да еще кряду. Это же слабость, публичный позор, люди такого не забывают.

Высокий пассажир тоже в светлом костюме разом прервал хохот, шагнул ближе, виновато улыбнулся, отчего его синеватое лицо с тонкими щеками постарело. Кивнул несколько раз:

— Разрешите? Альт Корэн, в недавнем прошлом... человек.

— Слишком мрачно, — с приливом тошноты возразил Сигли и назвал себя.

— Поживем два-три дня и убедимся. Вы тоже путешествуете в одиночестве?

— Таковы условия игры.

— Думаю, ненадолго. По первым наблюдениям, пассажиры по половым признакам делятся на две приблизительно равные части.

Новый знакомый как-то резко переходил от минорного настроения к мажорному, ему хотелось возражать:

— Если не считать капитана и его команду...

— Капитан и его команда на этом ковчеге —

люди временные.

— Поясните.

— Трудно. Я, скажем так, не уверен, что наш капитан когда-нибудь, до сегодня, стоял на капитанском мостике.

Боясь выдать свой осевший голос, Трефф Сигли прошептал:

— Вы думаете?

— Я думаю, этот господин тоже уплатил тысячу долларов.

Надо было спасти остатки своей надежды, надо одернуть маловера:

— Чушь! Вырулить на рейд в месиве судов, найти фарватер!..

— У нас был лоцман, — тихо ликовал Альт Корэн.

— Да. — С трудом собирая аргументы, Трефф Сигли плел невнятицу:

— Сгущаете краски... Такое нагромождение странностей... даже если это ковчег...

— Я только выразил сомнение. И не хотел вас расстраивать.

Небольшие, выпуклые глаза его потемнели, в них поселилась тоска. Как бы входя в доверие, он спросил:

— Как вы себя чувствуете? Это ведь... испытание?

Снова потянуло надерзить нахалу:

— Мне как-то все равно... Вот поменьше бы вибрировала посудина...

Альт Корэн по-отечески улыбнулся, мягко поднял руку:

— Это устранимо.

Рука сама собой опустилась... Гул двигателей притих. Вибрация унялась...

Трудно было увязать потухшую вибрацию с жестом Альта Корэна, к тому же внешние перемены Трефф Сигли замечал не сразу. Значительно позже другой человек, Сигли Трефф, пытался указать на это совпадение, но то было значительно позже. А сейчас перемену в ощущениях можно было отнести скорее за счет появления на корме мешковатой фигуры в сером пиджаке. Поразительно! Давешний знакомый, строивший из себя провидца и Горация Нельсона, вчерашней походкой, с кулаками в карманах, с обтянутыми плечами, волоча ноги, фланировал вдоль борта. Вид безмятежный, ни малейшего отношения к общей экзальтации.

Трефф Сигли поперхнулся, задержался на месте:

— Я прошу прощения, Альт... На этой ничейной тверди ни у кого нет дел... У меня вдруг обнаружилось... Встретимся!

Пока он расшаркивался, мнимый адмирал затерялся между надстройками. Пришлось прочесывать палубу, считать ступеньки трапов,

месить толпу...

Люди позировали друг перед другом. У одних — беспредметное одушевление и болезненная бойкость, у других — ужас, порождающий наглость. Третьим мало оставаться только пассажирами обреченного судна, им хотелось внести посильную лепту в катастрофу. Начало походило на все кардинальные начала в жизни. Отрешения и надежды. Какого свойства эти надежды, вопрос другой. Солнце не обжигало. Легкая килевая качка не мешала судну продолжать курс, даже убаюкивала. Пестрели шезлонги для чтения и дремоты. Брезентовый бассейн молча призывал любителей морских ванн. Над «Черным Бэном» витала своя аура, внушавшая каждому вести себя, как заблагорассудится. Нравственные нормы не установлены, неписанные, впрочем, как и писанные, законы остались в недалеком прошлом. Предполагалось, что люди, принявшие вызов рока, получают некоторые дополнительные права и избавлены от многих обязанностей. Две блондинки вышли к подкрашенной воде в таких рискованных бикини — ленточки крест-накрест, — что еще три дня назад Треффа передернуло бы. Сегодня только подумалось, что столь приглушенный интерес к дочерям Эроса объясняется чуть подпорченными жирком фигурами, да еще, пожалуй, их натужными попытками ударить по невзгодам подобием

безудержной оргии.

Два джентльмена с маслянистыми глазами пользовались вседозволенностью на своей, предосудительный манер. Вроде бы и прятались в тень надстройки, однако демонстративно притирались друг к другу, нащупывали сочувствие, взаимопонимание, и не только...

Мельком замеченные старик и старуха на юру налаживали контакты:

Он: Вы громче! И прямо в ухо!

Она: А у меня слуховой аппарат!!

Он: Глухому лучше! Меньше неприятностей услышишь!

Она: А сюда как нашли дорогу?

Он: Внучка и зять отправили отдохнуть!

Молодой человек с портативным приемником на плече выставлял свою физиономию с чертами семита, стараясь внушить каждому встречному, что он кое-что знает, по крайней мере то, о чем другие, простак, не догадываются. И этим никто не интересовался. Ну и времечко!

«Не тушуйся, не теряй интереса к жизни», — напоминал другой человек, Сигли Трефф. И глаза цеплялись за все мало-мальски приметное. Скажем, костлявый мужчина, лет тридцати, с рыжинкой ирландца и скулами представителя желтой расы. Что это он достал из-за пазухи, почему перегнулся за борт и как извлекает скребущие звуки тайком от

прохожих? С долей внезапности подойти к нему и...

— Кхе-кхе, простите!

Рыжий выпрямился и прежде, чем повернуться, спрятал миниатюрные скребки за борта пиджака.

— Я не хотел вас беспокоить, — отводя взгляд продолжал Сигли.

Обознался. Человек вблизи оказался маленького роста и довольно общительный:

— Бэн Хитмас, — застрекотал он. — Из фонда безработных. Донедавна был такой фонд. Распался, фонды исчерпались... И вот я здесь...

— Ради бога, не горячитесь. И так все взвинчены.

— Я — нет. Я только тороплюсь успеть, времени в обрез... Вы — Сигли Трефф.

Трефф Сигли слегка опешил. По короткому размышлению он вывел, что это оговорка. Даже в транс людям не дано заглядывать столь глубоко и называть его тем сокровенным именем, каким только он один именовал свое второе я. И боялся произнести вслух: то был другой — некая самостоятельная субстанция, дух с особым способом мышления. Он был порядочнее и сильнее Треффа Сигли, знал и умел больше. Вот только действовать был неспособен. Он то появлялся и властвовал, то исчезал и ни на какие призывы не

отзывался. Выдавать себя нельзя, нужен самый нейтральный тон:

— Приятно познакомиться.

Спешащий джентльмен заспешил больше:

— Я оговорился. Вы — Трефф Сигли.

И такая вина пронизала низкий лоб и восточные скулы коротышки, что оставалось развести руками:

— Да уж все равно...

— Нет, не все равно. Я люблю точность. А тут можно в такие дебри...

— В дебрях как-то спокойней, — попытался отшутиться Сигли.

Мне мало удастся, но я хочу все видеть и все знать.

— По нынешнему дню это излишняя роскошь.

— А я все же успею понять, кто и зачем меня утопит.

Пришлось подержать вязкую паузу:

— Это чему-нибудь поможет?

— История на такой вопрос положительного ответа не дает. Но должно же когда-нибудь сработать. Хотя бы как исключение из правила.

— Дерзайте!

Этот оптимист внушал самый глубокий скепсис. Вспомнился парадокс: нет безнадежней закоренелого оптимиста.

Ужин подали после живописного заката, наигранных охов и вздохов, и скрытной слезы стариков. Путешественники не жевали, а прощупывали бифштексы и дичь, кнедлики и тортики. Пищу — зубами, а немых и замедленных стюардов — заполошными взглядами. Иные забывали жевать, поперхнувшись, лукаво извинялись:

— Уж эта моя извечная слабость!

В своей потерянности никто не признавался.

— Я вообще никогда не ел с таким аппетитом.

— Великолепное мясо. С кровью!

— А специи? У нас такие не растут.

— А коктейль? Вы сосредоточьтесь и попробуйте.

Фальшивые восторги по поводу и без повода на время заглушали зуд в дыхательных путях и затылке. Трефф Сигли считал, сколько раз он прожевывал каждый кусочек, растягивал момент глотка, и нища застревала в пищеводе. Так забылся и не заметил, как остался в кают-компании один. Гм, куда улетучились полчаса? Новое дело, выпало полчаса жизни. Впрочем, ерунда, просто вздремнул. Значит, хватило выдержки. Пружинисто встал, одернул пиджак и направился к выходу. Сейчас плюнет па всю многослойность размышлений и

пойдет, ну, скажем, писать пульку. Некогда это славно получаюсь. Для разминки прогулялся вдоль правого борта, без должного внимания посмотрел на дробные волны, не сообщавшие судну качки. Внизу поскрипывали переборки, наверху царила тишина, если не считать редких прогулок пассата. Порой ветер застревал в надстройках, и тогда до уха доносилось что-то от обитателей палубы: перекатывался забытый мяч... осторожно работа! наждак. Шагнув за выступ, Трефф убедился, что это все тот же маньяк Бэн Хитмас. Уродливо сгорбился на корточках и длинным брусом язвил, язвил спайку под иллюминатором.

— Коллега, как вы относитесь к преферансу? — с безразличным видом справился Трефф Сигли.

Коротышка выпрямился, с тем же усердием, что и работал, смахнул пот:

— А вы уже поужинали?

— А вы на ночь не едите?

— В принципе, я голоден.

— Так спешите, это вы умеете.

— Знаете, я повременю, посмотрю, как проснутся те, кто плотно поужинал. — Что тут прибавить? Заткнуться лучше всего. Не станешь задавать прямые вопросы и лезть в потревоженную душу.

— Спрашивайте, — с решимостью сказал

Хитмас.

— Ради бога! И ваша работа, и ваши ужины — не мое дело.

— Думайте, что угодно, только я не сумасшедший.

— Этого я не думаю.

Заговорщицки потянувшись к собеседнику, маньяк зашептал:

— Я заподозрил подвох. Эта посуда закамouflирована. Или она новая и расписана под развалюху, или ржавая банка с забитыми краской щелями. Скорее всего, последнее. Я докажу...

— Кому вы собираетесь доказывать? И как к вашим уликам отнесутся люди?

— Подумаем потом.

— А вы подумайте сначала. Снявши голову, по волосам не плачут. Вы согласились с кораблекрушением, вам для этого созданы исходные возможности.

— Да, но я платил полновесную монету.

— И хотите получить исправное судно? Не тот случай, коллега! Здесь все чем хуже, тем лучше. Никто не проявит интереса к вашим изыскам. Пойдемте-ка лучше писать пульку.

Они стояли у бокового прожектора. Луч то возникал из сине-лилового рефлектора, озарял две фигуры, набирал силу, пробуя пронзить их, то тушевался и гас, чтобы секунду спустя повторить

попытку. При свете лица казались одухотворенными и красивыми.

Когда же прожектор угасал, они превращались в прозрачные тени. Хорошо на них смотреть со стороны, если бы было кому смотреть. Но пассажиры разошлись по каютам, укрываясь от взглядов и вопросов и погружаясь в одинокие мысли.

— На сегодня вы меня убедили. Но только на сегодня, Сигли.

— Дерзайте. Но вы хоть отдаете себе отчет, к чему приведет все это в наших условиях?

— К чему?

— К панике.

— Как вы далеко шагнули!

— Цепочка проста. Вы докажете то, от чего они стараются отрешиться. Люди ринутся искать спасательные средства. Разобьют гофрированный контейнер, пообрывают все деревянное. Нацепят ярлыки: шлюпка мистера Келли, доска четы Симпсон. Потом для гарантии перейдут ночевать в спасательные принадлежности. Скажем, просунув голову в круг с надписью «Черный Бэн». — Оратор хохотнул. Слушатель вторил ему и одновременно возражал:

— Ну и нелепость!

— Зато совершенно вероятная нелепость.

— Вы фантазер, Трефф.

— В этом мое несчастье.

— А я намеревался проверить состояние двигателей.

— Заодно уж проверьте баки с горючим. Гляди, дизеля работают на отходах нашей кухни.

— У вас превосходное настроение.

— Аккурат для преферанса.

— Подберем еще двух.

— Да таких, чтобы без бредовых идей.

Они спустились в салон. Там танцевали...

Посудина некогда была последним криком индустрии туризма. А может быть, позже, в один из ее юбилеев, хозяин убрал лишние переборки, вмонтировал десяток лишних светильников. Под верхней палубой был создан зал для танцев с переменным освещением и крошечной эстрадой. В сумрачной нише играли две гитары, электроорган, отбивали ритм ударные. Четыре плейбоя из погасшего созвездия, если судить по видавшим виды инструментам и по синим поношенным физиономиям.

— Играют, как профессионалы, — заметил Бэн Хитмас.

— Вы уверены, что это не профессионалы?

— Повторяю, на ковчеге ни в чем нельзя быть уверенным.

— Целая банда — и вдруг очертя голову в

бездну?

— Если это была дружная банда и села на мель, почему бы ей не попытаться всплыть на ковчеге?

— Резонно. Однако, если хозяин гарантировал им спасение, то и наши шансы не последние.

Покачав головой в сторону танцующих, Хитмас простонал:

— Резвятся. Не верят в беду.

— Издали смерть не страшна.

Высмотрев в дальнем углу тощающую на глазах фигуру Альта Корэна, Трэфф Сигли повертел ладонью над головой. Несколько пар глаз тут же метнулись к нему, а музыка вроде споткнулась. Запахло паникой. Какая осмотрительность нужна на каждом шагу! Ради покоя теперь придется пренебречь правилами приличия. И он крикнул:

— Альт! Игра не ждет!

Сухопарый джентльмен проплыл над танцующими и похлопал Хитмаса по плечу:

— Вы уже сошлись?

— Экономим оставшееся время.

— Кто будет четвертым?

— Тут прогуливался адмирал Нельсон, — ошупью произнес Трэфф Сигли. Все трое долго, как-то увесисто смотрели друг на друга. Решили не выяснять историю знакомства с портовым

бродягой.

— Исходя из принципа Хитмаса — экономить секунды, перейдем на «ты», — с ноткой вожака предложил Альт Корэн.

— Принимается, — пробасил Нельсон и добавил: — И по тому же принципу сразу сдаем по маленькой.

Положили руки на круглый стол, занимавший всю середину каюты, привалились к залапанным спинкам стульев. Принятые в игре реплики пробуждали легкий азарт, завораживали и замораживали мысли. Так минула полночь, так минули бы первые сутки. Вист, пас, на горку, сдаю... душа хмелеет...

Вдруг Треффу Сигли почудился далекий женский крик: «На помощь!» Отвел руку с картами, прислушался, встряхнул головой. Партнеры заняты игрой. Зряшно вздремнул, что ли? Через минуту призыв повторился. Между лопаток что-то толкнуло. Наваждение! Поделиться с коллегами — засмеют. А то еще трусливый Бэн заведет пластинку об опасности.

Попробовал подать свой голос, чтобы встряхнуться:

— Итак, я в проигрыше.

И тут же услышал отчетливую мольбу: «На помощь!»

Хотел было выругаться, вскинул глаза и —

замер: Альт Корэн сидел с ушками топориком и вопрошающе смотрел на Треффа.

— Что такое?

— Да ладно, мелочи, сдавай!

При первой же взятке Альт положил карты на стол, да так резко, что они рассыпались:

— Чертовщина какая-то!

— В чем дело? — заранее испугался Хитмас. Альт поднялся, потрепал мизинцем правое ухо и сказал:

— В третий раз сочный мужской баритон зовет на помощь. Разумеется, это мне чудится, но ведь в третий раз!

— Баритоны женскими не бывают, — едко возразил Трефф. — Я тоже слышал призыв... Но это был высокий женский голос.

Адмирал Нельсон пошевелил задубелыми бровями и прохрипел:

— От перенапряжения вы утратили способность различать голоса. Действительно звали на помощь. Но не мужчина и не женщина. Кричал срывающийся детский голосок. Уж у меня-то со слухом все в порядке. Успокойтесь.

Коротышка вскочил и затрясся:

— Что значит успокойтесь?! Кому-то нужна срочная помощь!

— Кому? Мужчине, женщине или ребенку? Я тоже на слух не жалуюсь. Но я не мог определить,

откуда зовет мужчина, — сонно сказал Альт Корэн.

— Женщина, — поправил Трефф Сигли.

— Звал баритон, — Альт заморочено осел за столом. — Вот прислушайтесь.

Все четверо опасливо подставляли уши то к иллюминаторам, то к холодному шелку. Треффу надоела канитель:

— Мистика! Продолжим игру.

Сдали. Картам уделялось минимум внимания. Игра пропала. В перенапряженные уши Сигли влетел вопль: «На помощь!»

— Мужчина! — в то же мгновение безапелляционно заявил Корэн.

— Женщина! — со всей категоричностью возразил Сигли.

— Нет, джентльмены, это таки ребенок, — попробовал поставить свою точку адмирал. — Но откуда на борту ребенок?

Вопрос загонял спорящих в тупик и всю суть сводил к одному: откуда ребенок? Сев, потом вскочив на месте, Хитмас замахал руками:

— О чем вы спорите? Кто бы ни звал на помощь, надо бежать на помощь!

Ноги словно припаялись к полу. Коротышке удалось оторваться. Он толкнул дверь. Дверь не подалась. Он нажимал, колотил в нее — тот же эффект.

— Это ловушка! Чертова гробница!

— А не лучше ли потянуть дверь на себя? — хмыкнул где-то в подкорках Сигли Трефф. — Алармисты!

4

Меня зовут Вальтер Грумм, я был полицейским, — навязчиво рассказывал первой встречной даме плечистый, короткошейй господин с торсом, едва помещавшимся в потертой кожаной куртке. — Я никого не хотел исправлять при помощи дубинки. Но такая работа, приходилось каждый божий день делать то, что меньше всего нравилось».

Рысий оскал и поперечные складки на низком лбу мало увязывались с покаянными речами. Дама в утреннем наряде прохаживалась вдоль подветренного борта, издали казалась безмятежной и не отсюда. Стылое море и затерянный в пустоши ковчег мало трогали ее. Вот кто не верит выходкам рекламы! Может, поэтому к ней притирался бывший полицейский.

— Служил я девятнадцать лет. Но мне всего тридцать восемь. Меня рано взяли: рост, вес, протекция... Сержант убедил меня, что больше платят тому, кто лучше управляется с дубинкой.

— Избивали? — как о спорте говорила дама.

— Ох, не заставляйте признаваться! По

обязанности. Фермер доит коров, фармацевт взвешивает снадобья, а кто-то должен избивать...

— И так все девятнадцать лет?

— Не думайте обо мне плохо. В глубине души я оставался добряком, как в начале молодости, в каменоломне. Когда я стал сержантом и мог принимать самостоятельные решения, я стал попадать впросак. Автолюбитель, оказавшийся в оцепленном лесу, уговорил меня и уехал насовсем, увезя весь запас наркотиков, ради которых лес и был оцеплен... В другой раз я сократил путь преследования и покалечил грудного младенца...

Так кое-что узнал о Грумме Трефф Сигли. Он опирался на перила, окрашенные в цвета лета — зеленый, голубой и красный, — глядя в зеркальный бассейн без единого купальщика. Душа смирялась, отдалялись в памяти тычки фортуны, уменьшались до комариных укусов треволения, ночные вопли. Перед незрячим взором возникла гонкая тень, легла на гладь бассейна. Светлая прическа с легкой небрежностью окаймляла девичье лицо и рассыпалась по плечам. Тень длинной, тренированной руки, убегающая, зыбкая, показалась слишком знакомой. То, как прямые пальцы прошлись по волосам от уха вверх и назад, высоко приподнимая пряди и укладывая за плечи, было так близко и привычно, что наш алармист вздрогнул. Оглянуться не решался: видение

исчезнет, а прототипа за спиной не окажется. Зажмурился тоже зря, тень улетучилась. На переходном мостике, у раздевалок никого не было. Корабль привидений! Однако почти трезвый и психически относительно здоровый мужчина не должен верить в нематериальные причуды, поддаваться иллюзиям, материализовать фантазии... Уж лучше принять еще один ром. Но рисунок головы, одним росчерком, движение тонкопалой ладони от уха вверх и назад! Нет, так ладила прическу только Лили — на всякий случай. Стройная и сильная девушка где-то служила, но больше отдавалась своему увлечению — гребле на четверке-рас-пашной.

Он все думал о ней и до того удумался, что девушка еще раз померещилась ему. Повторив ром, он поднимался по узкому трапу вдоль черных переборок камбуза. Иллюминаторы были занавешены вертящимися вытяжными лопастями. На этой зыбкой занавеси Трефф и увидел профиль Лили и открытую, вытянутую у подбородка ладонь. Губы словно сдували пушинку...

Он прыгнул через три ступени, миновал две двери и очутился у печей. Профиль девушки исчез. Мрачные взгляды кока и трех стюардов остановили незваного гостя. На раскаленных жаровнях, обильно политых жиром, томились бройлеры, репчатый лук, бил в нос запах специй.